

ЕВГЕНИЙ ЄВТУШЕНКО
собраніє сочиненій · том 4

собрание сочинений. том 4

ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

Москва 2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Е27

Составление *Евгения Евтушенко*

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

Оформление *Натальи Яруской*

Фотография на обложке:
Валентин Мастюков / Фото ИТАР-ТАСС

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива Евгения Евтушенко

Евтушенко, Евгений Александрович.

Е27 Собрание сочинений. Т. 4 / Евгений Евтушенко. — Москва : Издательство «Э», 2015. — 672 с. — (Собрание сочинений).

ISBN 978-5-699-79354-9

Собрание сочинений Е.А. Евтушенко представляет творчество выдающегося поэта и писателя во всей полноте, подытоживает все лучшее, что он сделал за свою жизнь: любовную и гражданскую лирику, 22 эпические поэмы, по которым можно изучать и историю России, и жизнь всего человечества. Ведь он выступал с чтением стихов, помимо всех регионов родины, в 96 странах, и его стихи, переведенные на 72 зарубежных языка, учили людей во многих странах свободному незашоренному мышлению, разрушая железный занавес. Первым поэтом, угадавшим в нем талант, был Б. Пастернак, высоко оценивший его стихи «Одиночество». Д. Шостакович признался в одном из писем, что читает стихи Евтушенко «Карьера» и «Сапоги» как молитвы. Джон Стейнбек предсказал, что в XXI веке Е. Евтушенко станет не менее читаемым прозаиком, чем поэтом. В книгу включены как стихотворения 1962–1964 годов, так и публицистика, статьи об искусстве.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-699-79354-9

© Евтушенко Е. А., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Стихотворения
1962–1964 годов

1962

СТРАХИ

Умирают в России страхи,
словно призраки прежних лет,
лишь на паперти, как старухи,
кое-где еще просят на хлеб.

Я их помню во власти и силе
при дворе торжествующей лжи.
Страхи всюду, как тени, скользили,
проникали во все этажи.

Потихоньку людей приучали
и на все налагали печать.
Где молчать бы — кричать приучали
и молчать — где бы надо кричать.

Страхи нас пробирали морозом,
только вспомнишь — знобит и теперь
тайный страх перед чьим-то доносом
или страх перед стуком в дверь.

Ну, а страх говорить с иностранцем?
С иностранцем-то что! А с женой?
Ну, а страх беспредельный — оставаться
после маршей вдвоем с тишиной?

Евгений Евтушенко

Не боялись мы строить в метели,
уходить под снарядами в бой,
но боялись порой смертельно
разговаривать сами с собой.

И когда я пишу эти строки
и порою невольно спешу,
то пишу их в единственном страхе,
что не в полную силу пишу...

1962

Сопливый фашизм

Финляндия,
страна утесов,
чаек,
туманов,
лесорубов,
облаков,
забуду ли,
как, наш корабль встречая,
искрилась пристань всплесками платков,
как мощно пела молодость над молом,
как мы сходили в толкотне людской
и жали руки,
пахнущие морем,
автолом
и смоленою пенькой.
Плохих народов нет.
Но без пощады
я вам скажу,
хозяев не виня:
у каждого народа свои гады.
Так я про гадов.
Слушайте меня.
Пускай меня простят за это финны,
как надо называть,
все назову.

Фашизм я знал по книгам и по фильмам,
а тут его увидел наяву.

Фашизм стоял,

      дыша в лицо мне виски
у бронзовой скульптуры «Кузнецов».

Орала и металась в пьяном визге
орава разгулявшихся юнцов.

Фашизму фляжки подбавляли бодрости.
Фашизм жевал с прищелком чунгам,
швыряя в фестивальные автобусы
бутылки,

      камни,

      под свистки и гам.

Фашизм труслив был в этой стадной наглости.
Он был прыщав, слюняв и белобрыс.
Он чуть не лез от ненависти на стену
и под плащами прятал дохлых крыс.
Эх, кузнецы,

      ну что же вы безмолвствовали?!

Скажу по чести —

      мне вас было жаль.

Вы подняли бы бронзовые молоты
и разнесли бы к черту эту шваль!
Бесились,

      выли,

      лезли вон из кожи,

на свой народ пытаясь бросить тень...
Сказали мне —

      поминки по усопшим

Финляндия справляет в этот день.
Но в этих подлецах,

      пусть даже юных,
в слюне их истерических речей
передо мною ожил «Гитлерогенд» —
известные всем ясли палачей.

«Хайль Гитлер!» —

      в крике слышалось истощном.

Так вот кто их родимые отцы!

Евгений Евтушенко

Так вот поминки по каким усопшим
хотели справить эти молодцы!
Но не забыть,
    как твердо,
        угловато
у клуба «Спутник» —
    прямо грудь на грудь —
стеною встали русские ребята,
как их отцы, прикрыв фашизму путь.
«Но — фестиваль!» —
    взвивалсявой шпанья.
«Но — фестиваль!» —
    был дикий рев неистов.
И если б коммунистом не был я,
то в эту ночь
    я стал бы коммунистом!

*Июль 1962, Хельсинки,
борт теплохода «Грузия»*

В концовке этого стихотворения — идеализм, свойственный мне в юности. На фестивале в Хельсинки бутылкой кока-колы разбили коленку юной русской танцовщице, пытались разгромить наш клуб. Теплоход «Грузия» находился буквально в осаде... Когда в 11 часов утра мы начали фестивальный марш, листовки с текстом стихотворения на многих языках уже раздавали участникам. По возвращении в Москву первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов на многотысячном митинге на Комсомольской площади назвал меня героем фестиваля. Однако после скандала с моей автобиографией, напечатанной на Западе, том же самый Павлов спустя на меня целую свору комсомольских овчарок. На одном собрании, размахивая газетой Закавказского военного округа, где я на фотографии читал стихи с танка, он кричал: «Еще неизвестно, в какую сторону в случае опасности для нашей страны пойдут танки, с которых читал стихи Евтушенко». Так из меня сами коммунистические идеологи выбивали коммунистический идеализм. Последним ударом было наше вторжение в Прагу. С них я стихов не читал.

ПИСЬМО ЖАКУ БРЕЛЮ — ФРАНЦУЗСКОМУ ШАНСОНЬЕ

Когда ты пел нам, Жак,
шахтерам,
хлеборобам,
то это, как наjdак,
прошлось по сытым снобам.
Ты был то свист,
то стон,
то шелестящий вяз,
то твист, а то чарльстон,
а то забытый вальс.
Но главное,
ты был
Гаврошем разошедшися,
когда в упор ты был
по буржуа заевшимся!
Ты их клеймил, в кулак
с угрозой пальцы стиснув...
Да,
мы артисты, Жак,
но только ли артисты?
Нас портят тиражи,
ладоши или гроши,
машины, гаражи,
и все же
мы — гавроши!
Куплетов каплунам
от нас не ожидайте.
Салоны —
не по нам!
Нам площади подайте!
Нам вся земля мала!
Пусть снобам в чванной спеси
поэзия моя —
что уличная песня.

Евгений Евтушенко

У снобов шансов нет,
чтоб их она ласкала.
Плевать!

Я шансонье —
не тенор из «Ла Скала»!
А слава —

что она
со всеми поцелуями!

Глупа да и жирна
она, как Грицацуева.
И ежели,

маня
в перины распуховые,
она к себе меня
затащит,
распаковываясь,
я виду не подам,
но, не стремясь к победе,
скажу: «Пардон, мадам!» —
и драпану, как Бендер.
Я драпану от сытости,
от ласк я улизну
и золотого ситечка
на память

не возьму.
Так драпанул ты,

Жак,
на фестиваль

от славы,
от всех, кто так и сяк
цветы и лавры стлали.
И помнишь ли,

как там,
жест возродив музейный,
показывали нам,
беснуясь,

в землю!

В землю?!

Как в ярости тупел
тот сброд, визжа надорванно?
А ты...

ты пел и пел —
под визг поется здорово!
Так все,

что глушит нас,
как хор болотных жаб,
работает, что джаз,
на наши песни, Жак.

Мы свищем вроде птиц,
но вовсе не птенцов,
под речи всех тушиц
и тонких подлецов.

Поем под визг ханжей
и под фашистов пляс.
Поем под лязг ножей,
точащихся на нас.

У пальм и у ракит
то шало,

то навзрыдно
поем под рев ракет,
под атомные взрывы.

Не просим барыша,
и нами,

как гаврошами,
все в мире буржуа
навеки огорожены.

Мы — дети мостовой —
не дети будуара.

Мы дряхлый шар земной
шатаем

будоража.

Нас все же любит он
и с нежностью бездонной
дает приют,

как слон,

Евгений Евтушенко

рассохшийся,
но добрый.
В нас —
мятежей раскат,
восстаний перекаты.
Мы —
дети баррикад!
Мы сами —
баррикады!

Июль 1962

ВЕСНУШКИ

«Что грустишь, моя рыжая? —
шепчет бабка. — Что стряслось?»
свою руку погружая
в глубину твоих волос.

Ты мотаешь головою.
Ты встаешь, как в полусне.
Видишь очень голубое,
очень белое в окне.

У тебя веснушек столько,
что грустить тебе смешно,
и черемуха сквозь стекла
дышил горько и свежо.

Смотришь тихо, полоненно,
и тебя обидеть грех,
как обидеть олененка,
так боящегося всех.

В мастерскую его друга
поздно вечером привел
и рукою кругло-кругло
по щеке твоей провел.

И до дрожи незаснувшей,
не забывшей ничего,
помнят все твои веснушки
руку крупную его.

Было мертвенно и мглисто.
Пахла мокрой глиной мгла.
Чьи-то мраморные лица
наблюдали из угла.

По-мальчишески сутула,
бросив платьице на стул,
ты стояла, как скульптура,
в окружении скульптур.

Почему, застыв неловко,
он потом лежал, курил
и, уже совсем далекий,
ничего не говорил?

Ты веснушки умываешь.
Ты садишься кофе пить.
Ты еще не понимаешь,
как на свете дальше быть.

Ты выходишь — и немеешь.
На смотрины отдана,
худощавый неумелыш,
ты одна, одна, одна...

Ты застенчиво лобаста,
не похожа на девчат.
Твои острые лопатки,
будто крыльшки, торчат.

На тебя глядят нещадно.
Ты себя в себе таишь.
Но, быть может, ты на счастье
из веснушек состоишь?